

НА ЭКСКУРСИИ У ДЖУМАХАНА

Если бы у меня спросили, какое самое памятное событие случилось со мной в Афганистане, то я сразу вспоминаю середину мая 1984 года и свою «экскурсию» в банду Джумахана.

Произошло это так. Я находился на операции в уезде Андараб. Командный пункт дивизии был расположен в кишлаке Бану (очень памятным станет для меня это место: там недалеко ущелье Ортаколь, где в сентябре этого года погибнет мой старший помощник майор Ярощук, а две недели назад, 3 мая, группа разведчиков 783 орб 9 — человек).

В один из дней мая, дату уже точно не помню, я был с утра на командном пункте дивизии, где мы ожидали прилета пары вертолетов, которые должны были доставить в банду Джумахана двух офицеров разведки афганской армии для переговоров.

Им была поставлена задача склонить главаря банды Джумахана к сотрудничеству. Афганцы прибыли еще вечером. Естественно, что мы только обеспечивали эти переговоры, но сами в них не участвовали.

Банда Джумахана представляла собой довольно крупное устойчивое вооруженное формирование ИОА: до 20 отрядов общей численностью 500–600 человек. Мятежники, или как сейчас говорят — моджахеды, были крестьянами уездов Андараб, Хост-Ференг, Доши, по национальности, как и их главарь — таджики. Родом Джумахан был из

Вальянского ущелья уезда Доши, расположенного от Бану километрах в 50–60.

Не знаю уж, какие и на какой почве возникли разногласия между Джумаханом и местными главарями, но дела у них дошли до прямых вооруженных столкновений с людскими потерями. А, исходя из того, что большинство главарей объединились против Джумахана, то дела его были совсем неважными. Единственным приемлемым выходом для него было уйти из уезда Андараб, хотя он и был местным уроженцем. Ждать же, когда убьют его и его «верхушку», а рядовых членов банды подчинят себе его противники, он не стал.

Да и идти им было некуда, если в Андарабе они были еще своими, то в других местах они были бы чужаками, а там закон один — иди в подчинение к местному главарю, иначе — конец.

Сообразил, что помочь ему могут только власть и Советская Армия. Поэтому проявил инициативу и хотел напрямую сотрудничать с «шурави». Однако высшее командование, а особенно партийные советники это не одобрили, пусть, мол, договариваются со своими властями, а мы будем действовать уже в зависимости от этих договоренностей.

Офицеры-афганцы из ХАД, прибывшие на переговоры, были таджиками по национальности, оба учились в Ташкенте и сносно говорили по-русски. С одним из них — Каюмом, я был ранее знаком по совместным действиям.

Стоим мы на КП, разговариваем, ожидаем вертолеты. Вдруг входит комдив А. А. Шаповалов, отводит меня в сторону и говорит: — «полетишь вместе с ними, посмотри, что это за переговоры и о чем они будут договариваться».

Я чуть не сел от удивления: во-первых, я ведь ничего не пойму, т.к. все разговоры будут вестись на таджикском языке, а во-вторых, ведь эти агентурщики — афганцы по национальности и в национальной одежде. А я, мало того,

Одно из бандформирований уезда Андараб что с русской мордой, так еще и в советской военной форме. Вот он — оккупант, бери его тепленьким и ешь с маслом!

Приказ был настолько нелепым, что я до последнего момента не верил, что придется лететь в банду. Главное, что никакого смысла и необходимости в этом не было! Но меня всю жизнь учили: приказ начальника — закон для подчиненного. Сколько народу зря погибло от этого. Но, может, в этом и есть высший смысл военной службы. Каждый винтик должен крутиться в свою сторону, иначе вся машина работать не будет. Почему-то мне пришло в голову, что комдив меня проверяет на «вшивость», т.е. на прочность и в последний момент отменит приказ.

Не стал я «праздновать труса», молча пошел в палатку разведотделения, отдал своему помощнику автомат, пистолет, личные документы — зачем мне все это там нужно?

Для хоть какой-то уверенности и душевного равновесия взял у переводчика гранату Ф-1.

«Фенька» оставляла мне хоть какой-то выбор своей дальнейшей судьбы, остальное от меня уже не зависело.

Сел с афганцами в вертолет, взлетели. Летели минут 20, внизу голые горы, пусто. Вижу, внизу пасется отара овец, рядом пастух. Вдруг он зажигает сигнальную пашку оранжевого дыма — указывает место посадки и направление ветра.

Сели. Я и афганцы вышли из вертолета, вертолет поднялся и улетел. И вот тут я сразу вспомнил советские фильмы про басмачей в гражданскую войну: из всех щелей, пещер, кустов стали вылезать вооруженные люди.

Молодые и старые, красивые и безобразные, в лохмотьях и военной форме — человек около 80. И все смотрят на меня как на крокодила в зоопарке. Что-то галдят, смеются, чуть ли не ощупывают. Ведь большинство их никогда не видели советских солдат, а тем более офицеров вблизи, без оружия, без их танков, БМП, вертолетов.

На меня нашло какое-то оцепенение, молча стою, рука в кармане ветровки сжимает гранату, чеку я вынул еще в вертолете в последние секунды, думаю — если накинутся, разжимаю пальцы — и полетели. Через пару минут подходят несколько бородатых мужиков и показывают, чтобы шли с ними. Пошли к реке, там натянута маскировочная сеть, в нее вплетена трава, ветки так, что ничего сверху не видно. Сидят человек 5, среди них Джумахан, я узнал его по словесному портрету: худой, высокий человек с длинной черной бородой, лет слегка за 40, весь в белом.

Приступили к переговорам. О чем они говорили больше 2-х часов, я не знаю. Мне ничего не переводили. Рука с гранатой затекла, я в удобный момент потихоньку вставил чеку назад, на всякий случай усики на ней разгибать

не стал. Сижу, курю, все равно ничего не понимаю, хотя и внимательно слушаю. Восточные люди они вообще очень экспансивные: когда просто говорят, а когда ругаются — не поймешь.

Странное чувство охватило меня. Все вокруг происходящее было как бы ни со мной. И я как бы смотрю на себя со стороны. Страха почему-то нет. Одна забота — надо успеть выдернуть чеку! Остального просто не будет.

Однако крутится и мысль — когда прилетят вертолеты, и прилетят ли они вообще? Поднялся ветер, начинается поземка, а там и пыльная буря — нелетная погода. А ночевать в банде мне абсолютно не улыбалось. Тем более, что некоторые из переговорщиков смотрят на меня волками. Я уже отвернулся, гранату держу за кольцо в кармане, думаю, черта с два вы меня возьмете, не надейтесь...

По расчету времени до прилета вертолетов было еще часа два, предложили пообедать, я выпил только кружку кислого холодного молока и съел с трудом половину лепешки, кусок не лез в горло. Сделал это чисто для приличия. Вообще, не есть в гостях по афганским законам считается неприличным, мол, брезгуешь хозяйской пищей.

Вдруг неожиданно слышу гул вертолетов, я даже подумал, что у меня начинается галлюцинация. Однако нет, точно летят. Посмотрел на часы — рано. Тем не менее, быстро прощаемся и бегом к вертолету. Сели в кабину и тут я только перевел дух. Полет прошел в состоянии эйфории, ведь, честно говоря, я уже и не надеялся на возвращение. Как я потом узнал, переговоры эти были предварительными, гарантий безопасности никаких. Летал я туда без всякой надобности, рисковал жизнью чисто по дури комдива, хотя признаюсь, что искренне уважаю его до сих пор.

Ну, дальше — больше, прилетели, совершили посадку, пошел докладывать комдиву о результатах, а он меня и не слушает, отвернулся, говорит, — «иди, отдыхай».

Что такое? Недоумевая, я вышел от него, а меня тут дивизионный особист хватить за рукав. «Ты как в банде оказался? Что ты там делал? Какое имел право на контакт с бандитами?»

Я уже после всех этих переживаний в сердцах ему отвечаю: — «вон генерал, все вопросы к нему, и пошли вообще все вы подальше!»

Тут он мне рассказал, что из-за этой моей «экскурсии» в банду произошел в мое отсутствие большой шум, а комдив получил кучу неприятностей. Потому у него и такая реакция на мой доклад.

А получилось вот что. Узнав, что я улетел в банду, особист, чтобы подстраховать себя, тут же доложил об этом своему начальнику в Кабул, а тот соответственно в Ташкент. Мол, отправил комдив прямо в руки к душманам своего начальника разведки, без всякого согласования, прикрытия и обеспечения. А что делать, а главное — кто будет за это отвечать, если его душманы в плен захватят и отвезут в Пакистан?

Тут же сразу пошла обратная волна. Начальник штаба округа отодрал командарма Генералова, а тот в свою очередь комдива. То, что меня там могли просто убить никого не волновало. Волновало, чтобы не увезли в Пакистан. Про разведчиков-афганцев вообще разговора не было, мол, за них свое начальство отвечает. Приказано было немедленно меня вывезти, а если необходимо, то высадить десант, чтобы отбить мое тело: живое или мертвое — безразлично.

Но в результате, как видите, в очередной раз обошлось. Комдив, видимо все-таки чувствуя свою вину передо мной за то, что пришлось рисковать жизнью по его дурос-

ти, представил меня ко второму ордену Красной Звезды, который я получил уже в Одессе.

До сих пор не могу понять: для чего он вдруг внезапно послал меня в банду, решив все в последние 5–10 минут. Ведь абсолютно никакой необходимости в этом не было, а он серьезно рисковал, случись, что со мной. Вот убей меня Бог — не пойму! Действительно — пути начальства неисповедимы!

А Джумахан все-таки потом перешел на сторону властей, мы с ним активно сотрудничали, я встречался с ним еще несколько раз, правда, уже на нашей территории. Ему было присвоено воинское звание «майор», а его формирование стало отдельным полком в 20 пехотной дивизии ВС ДРА.

Уже в Союзе я узнал, что погиб Джумахан в марте 1985 года, попав в засаду, устроенную его бывшим сторонником Рауфом, не простившим ему измены.

Комдива за операцию с Джумаханом представили к званию Героя Советского Союза. Но в Москве видимо решили, что эффект от перехода этого главаря на сторону властей не такой уж и значительный, и отказали в присвоении звания. Но второй орден Красного Знамени он за это получил.

РЕЙД В МАНГАЛЬХАН

Пожалуй, что одним из последних моих серьезных самостоятельных разведывающих рейдов был рейд в кишлак Мангальхан (уезд Нанабад), который мы провели в начале октября 1984 года.

Задачу на действия в этом районе мы получили внезапно. Обычно там действовали пограничники, так как он находился в 20-25 км от госграницы на участке Пянджского 48 пограничного отряда. От него в уездном центре Нанабад стояла 3 мотоманевренная группа (ММГ), которая и действовала в одноименном уезде. По численности ММГ — усиленный батальон с весьма скромными возможностями. Пограничники, как правило, действовали самостоятельно, при необходимости мы их поддерживали только артиллерией и боевыми вертолетами.

А тут, как говорят, случился прокол. Проводили они совместно с афганскими пограничниками и Царандоем «зачистку» кишлака Нанабад, там они заблокировали крупную банду, но сил было маловато и в конце концов пограничники сами оказались в окружении. Афганцы же, как это часто у них бывало, ссылаясь на то, что у них закончились боеприпасы, с поля боя драпанули и отказались возвращаться даже после того как вертолетами им подвезли патроны.

Пограничники же несколькими изолированными друг от друга группами находились в центре кишлака и всю ночь вели бой в окружении. И боеприпасы у них тоже подходили к концу.

Утром, часов в 7, меня срочно вызвал к себе новый начальник штаба дивизии подполковник Волобуев О. Н. и приказал через час с разведбатом выйти в Мангальхан. Позже

Полковник
О. Н. Волобуев,
начальник штаба
201 мсд в 1984–86 гг.

туда должен подойти и мотострелковый батальон 149 гв. мсп. Батарея 122-мм гаубиц и взвод саперов должны были нас ожидать около гарнизона Северный Кундуз.

Не знаю, почему Волобуев сам решил возглавить операцию по спасению пограничников, то ли комдив ему это поручил, то ли сам он решил отличиться на второй неделе своего пребывания в Афганистане, но он начал довольно бойко командовать, ставить мне задачи, то есть пытался действовать так, как его учили в Военной академии им. Фрунзе.

Начальник штаба — мой непосредственный начальник и, хотя у него не было абсолютно боевого опыта, спорить с ним не стоило. От моего предложения отправить вертолетами одну роту на окраину кишлака, чтобы отвлечь «духов», он отмахнулся, мол, не будем расплывать силы. Того, что до Мангальхана было почти 50 километров и прибыть туда мы сможем только во второй половине дня он как-то не учел. А окруженным была дорога каждая минута. Я ему это сказал, что ему явно не понравилось.

Через час мы выступили: прошли город Кундуз, потом зеленую зону города, далее Северный Кундуз, где взяли артиллеристов и саперов, потом двинулись в сторону уезда Нанабад. Сам там я никогда в этих местах не был, посмотрел аэроснимки этого района, где были сплошная зеленая зона и сеть больших и малых арыков.

Дорога проходила сначала по пустыне, однако ближе к долине проходила горная гряда Ходжатав, высота ее небольшая — 1200 м, но на перевале могли быть мины, пришлось запустить вперед саперов с собакой и мы потеряли на это около получаса.

Все же к часам к 12 мы вышли в назначенный район и тут нас ждал первый сюрприз. Вся долина, в которой стояло до де-

сятка кишлаков была окружена довольно широким и глубоким каналом. Несколько мостов, а точнее мостиков могли пропустить только арбу, но никак не БМП. Кроме того, было видно, что множество каналов поменьше рассекают и саму долину. Короче — все, приехали, действовать здесь можно было только в пешем порядке.

Центральный Баглан. Слева направо:
В. Тихонов, Н. Короткий, НШ дивизии
О. Н. Волобуев

Что же, ничего особенного в этом нет, и я дал команду спешиться, строиться боевыми группами, командиры начали ставить задачи, проверять радиосвязь — то-есть, пошла обычная боевая работа. Стрельба в центре кишлака усилилась, видимо, «духи» увидели, что пограничникам идет подкрепление, и активизировали действия. Подъехали пограничники на нескольких БТР.

Я с их командиром уточнил обстановку, положение окруженных групп и самое главное установил с ними связь. Приказал развернуть артбатарею и открыть огонь по окраине кишлака. Пешие группы вошли в кишлак и начали продвигаться к его центру.

Однако, как сказал Ярослав Гашек в своей бессмертной книге «Похождения бравого солдата Швейка», — все шло нормально, пока не вмешался Генеральный штаб!

Пыль, дым, лязг гусениц, рев моторов — идет мотострелковый батальон, впереди на БТР начальник штаба дивизии. Сразу начал на меня орать, почему техника вся стоит на окраине, не входит в кишлак. Показываю ему на канал, пытаюсь объяснить обстановку. Куда там! Истерика бьет начальника: «...какой вы разведчик, если не можете найти мост,

смотрите какая собрана сила и она стоит без толку...вы преступник» и так далее. Ну, такие речи я слышал уже не раз. Я на него тоже зарычал, говорю — «если вы такой умный, командуйте сами.» Он — «я прикажу вас связать!» Посмотрел я на него как на больного, поправил автомат на плече и сказал: «Попробуйте».

Он выпучил на меня глаза, а я плюнул, повернулся и пошел в кишлак вслед за пешими группами. Расстроен, конечно, ловлю себя на том, что иду один по улице, никого вокруг нет. Окажись рядом хоть один душман, подстрелить меня ему бы ничего не стоило. Отряхнулся от своих мыслей и побежал вдоль дувала, вскоре догнал наших. Мы вышли к пограничникам, артиллерия вела огонь по местам, где сосредоточились «духи», окруженные корректировали огонь, видимо несколько раз хорошо попали, потому, что они быстро стали отходить. Увидев нас, пограничники стали выходить из своих укрытий. Взяв убитых и раненых, они под нашим прикрытием стали выходить к окраине. Я по радио доложил в центр боевого управления дивизии о выполнении задачи и получил приказ на выход.

А начальник штаба с мотострелками все описывает круги вокруг кишлака вдоль канала, ищет мост через него. Я подъехал к нему, доложил о выполненной задаче. Он в глаза не смотрит, говорит: «Проверяйте людей, возвращайтесь домой». Ну и на том спасибо.

Так и не извинился передо мной, не хотел ронять свой авторитет. Служил с ним я еще месяц и больше стычек у нас не было.

Встретились мы с Волобуевым через три года в 1987 году на полигоне Широкий Лан Одесского военного округа на показательных занятиях. Он был командиром дивизии кадра в Белгород-Днестровском. Меня он, конечно, узнал, но не показал этого. Ну а я — тем более, хотя и зла никакого на него не держал.

Недавно узнал из Интернета, что он несколько лет назад умер в Новосибирске. Уходит уже и наше поколение, вечная ему память!